

— Желаю учителю Ван Сяовэнь счастливого дня рождения и вечной молодости.

Тань Юаньчжао, словно заевший магнитофон, послушно повторил за Юй Шаочунем:

— Желаю учителю Ван Сяовэнь счастливого дня рождения и вечной молодости.

— Пободрее, — скомандовал Юй Шаочунь. — А то звучит так, будто у тебя её уже увели.

Тань Юаньчжао снял очки и устало потер переносицу:

— Но я безумно нервничаю.

Юй Шаочунь похлопал его по плечу и заодно заправил под воротник вечно торчащий ярлык:

— Представь, что зачитываешь доклад о новом эпохальном открытии в химии. Больше уверенности, больше радости! Ты сможешь, вперед, го-го-го!

Фэн Чжоу взглянул на часы:

— Пять минут осталось.

Юй Шаочунь торопливо щелкнул зажигалкой и принялся один за другим зажигать свечи, расставленные вокруг ног Старины Таня в форме сердца. Лу Сяонань уселась за пианино, глубоко вздохнула и занесла пальцы над клавишами. Фэн Чжоу выключил свет, погрузив музыкальный класс в мягкий янтарный полумрак свечей.

Учитель Ван Сяовэнь пришла минута в минуту. Она уже вставила ключ в замочную скважину, но обнаружила, что дверь не заперта.

«Странно».

В душе забили тревожные колокола. На всякий случай она медленно выудила из сумочки карманный электрошокер, выставила его перед собой и осторожно толкнула дверь.

Из глубины класса донеслись нежные звуки пианино, к которым тут же присоединился певучий смычок. Ван Сяовэнь замерла на пороге, удивленно разглядывая смутные силуэты в мерцающем пламени свечей.

Фэн Чжоу, выступавший в роли группы поддержки, стоял у трибуны и наблюдал за происходящим. Честно говоря, зрелище казалось ему слегка зловещим. Переведя взгляд с дрожащего от волнения Старины Таня на Юй Шаочуня, он поймал себя на мысли, что красный

свитер парня на удивление гармонирует с белой скрипкой. Слегка склонив голову, Юй Шаочунь лишился привычного легкомыслия — сейчас он, казалось, без остатка растворился в музыке.

«Ему бы сейчас прожектор, — внезапно подумал Фэн Чжоу. — Чистый сольный концерт».

Глядя на приближающуюся Ван Сяовэнь, Тань Юаньчжао почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди, словно испуганный заяц. Сделав глубокий вдох, он заикнулся на первом же слове:

— У-у-учитель Ван Сяовэнь, я...

Фэн Чжоу мысленно вздохнул и опустил голову.

Ван Сяовэнь остановилась перед ним и, заметив выложенное из свечей ровное сердце, изумленно прижала ладонь к губам. Лицо Таня вспыхнуло пунцовым, но он все же пересилил себя:

— Учитель Ван Сяовэнь, поздравляю вас с днем рождения. Будьте счастливы. Всегда-всегда.

«Кажется, перепутал слова», — подумал Фэн Чжоу. Репетировали они явно не это.

Фэн Чжоу взял со стола подарочную коробку с открыткой, шагнул вперед и протянул их имениннице:

— Учитель Ван, это подарок от учителя Таня.

Приоткрыв крышку, он продемонстрировал ряд аккуратных пробирок с парфюмом:

— За основу взяты эссенции чайной розы, классической розы и шиповника. Учитель Тань лично разработал эту формулу и составил для вас эксклюзивный аромат.

Ван Сяовэнь впервые слышала о подобном:

— Духи?.. Разве их можно сделать самому?

Фэн Чжоу кивнул:

— Учитель Тань хотел, чтобы этот неповторимый аромат подчеркивал вашу уникальность долгие годы.

Тань Юаньчжао лихорадочно закивал за его спиной.

Юй Шаочунь переглянулся с Лу Сяонань. Закончив пассаж на одной ноте, они церемонно поклонились паре и вместе с Фэн Чжоу выскользнули в коридор.

Свою часть плана они выполнили без сучка и задоринки. Теперь судьба Старины Таня зависела только от его собственного красноречия.

Уже у самой двери Юй Шаочунь услышал робкий, дрожащий голос позади:

— Ска-скажите, могу ли я иметь честь отпраздновать этот день вместе с вами?

— Как думаете, у Старины Таня выгорит? — спросила Лу Сяонань, когда они отошли подальше.

— Скорее да, чем нет, — отозвался Фэн Чжоу. — Вся школа знает, что я занимаюсь у Таня олимпиадной химией. Я в последнее время постоянно крутился возле нее с расспросами. Если бы я ей досаждал, она бы давно меня выставила, а не разжевывала каждую мелочь.

Юй Шаочунь округлил глаза:

— Так ты вызнал все это не благодаря дедукции?

— Разве можно выяснить столько деталей простым наблюдением?

— А я думал, у тебя прокачаны шпионские навыки.

— Слишком много фантазируешь.

— То есть ты просто подошел к учительнице музыки и спросил в лоб, что ей нравится?

— А как иначе?

Юй Шаочунь посмотрел на него со смешанным чувством:

— Тебе повезло, что она симпатизирует Старине Таню. Иначе с твоим дебаффом мы могли бы хоть самого Моцарта из могилы поднять — ничего бы не спасло.

Лу Сяонань нужно было спешить на репетицию школьного хора. Попрощавшись, она быстро убежала. Юй Шаочунь и Фэн Чжоу не торопясь пошли по школьной аллее. Студенты, успевшие поужинать перед вечерней самоподготовкой, стайками тянулись к дверям корпуса. Кое-кто

задерживался у ворот возле тележки с танхулу, выбирая нанизанные на шпажки ягоды боярышника, ломтики ямса или сочную клубнику. Газовый фонарь мягко подсвечивал их лица сквозь легкий туман ранней зимы.

— Хочешь? — спросил Юй Шаочунь и, не дожидаясь ответа, припустил к торговцу. В очереди его кто-то узнал: ребята весело заболтали, а потом дружно расхохотались над какой-то шуткой.

Наблюдая за этой шумной, тесной гурьбой, Фэн Чжоу поймал себя на странном ощущении: невидимая стена, отделяющая его от остальных, будто дала трещину. Казалось, сделай шаг — и он легко переступит черту, растворится в их реальности.

В том «нормальном» мире, где жили все остальные.

— О чем задумался? — Юй Шаочунь, расплатившись, вернулся к нему. — Держи.

Фэн Чжоу моргнул, возвращаясь к действительности. В руку ему ткнули не привычный боярышник в карамели, а шпажку со спелой клубникой.

— Откуда...

— Чэнь Сы проболтался, что ты любишь клубнику, — ухмыльнулся Юй Шаочунь. — Блин, надеюсь, этот придурок меня не надул?

Фэн Чжоу нахмурился:

— Зачем ты расспрашивал его обо мне?

— Исключительно ради изучения соперника, — Юй Шаочунь откусил боярышник и тут же скривился от кислинки. — Но он выложил всё без пыток. Если хочешь ругаться — вини его, я законопослушный гражданин.

— И размер одежды тоже он подсказал?

— А вот это нет. Чистая наблюдательность.

Они сели на скамейку у обочины аллеи. Фэн Чжоу задумчиво разглядывал глянцевую карамель на клубнике.

— Скажи, почему Старина Тань так упорно добивается учительницы музыки?

— Ну как же. Из-за любви, конечно.

— Ты веришь в любовь? — Фэн Чжоу сам удивился своему вопросу и поспешил уточнить: — Я имею в виду, что любовь — это всего лишь химия, коктейль из дофамина и гормонов. Когда буря в организме утихнет, чувства пройдут?

Юй Шаочунь с интересом воззрился на него:

— Что-то тебя в последнее время потянуло на философию. Точные науки больше не бросают тебе вызов, и ты решил переключиться на гуманитарные?

— Не знаю, — Фэн Чжоу опустил взгляд на серую плитку под ногами. — Просто... мне непонятно, что это вообще такое.

Юй Шаочунь тихо рассмеялся:

— Глубоко копаешь, отличник Фэн.

Он наклонился ближе и вкрадчиво спросил:

— У тебя самого есть кто-то на примете?

Фэн Чжоу покачал головой. Но, подумав секунду, медленно кивнул.

— Так да или нет?

Фэн Чжоу витиевато пояснил:

— Скажем так: наполовину.

Настроение Юй Шаочуня мгновенно дало сбой, внутри что-то неприятно екнуло. Сглотнув, он спросил:

— И каково тебе с ней? Ты чувствуешь себя счастливым?

Фэн Чжоу кивнул:

— Пожалуй. Особенно когда мы обсуждаем кварки или интегральное исчисление. В такие моменты она мне нравится гораздо больше, чем во время пустой болтовни.

— Любовь приносит радость, — Юй Шаочунь тактично проигнорировал странное условие этого счастья. — Взять хоть мою сестру Сысюань. Красавица, умница, характер золотой, при деньгах

— за ней парни толпами бегали. А она сохнет по какому-то сухарю-технарю.

— А чем плохи технари?

— Да они же как с разных планет! — воскликнул Юй Шаочунь. — Она творческая личность, он — сухой прагматик. У них мозги по-разному устроены, говорить порой не о чем. Но раз ей нравится, раз она счастлива ломать голову над заумными терминами, которые у меня выведывает, то кто я такой, чтобы мешать?

Фэн Чжоу покачал головой:

— Но эти чувства со временем иссякнут. Рано или поздно она поймет, что пропасть между ними непреодолима. И тогда сказке конец.

Он вспомнил старые снимки из родительской спальни. На них Чжоу Ваньцзинь, еще подтянутый и кудрявый, нежно обнимал молодую Фэн Цинцин, чей голос тогда не напоминал скрип ржавой пилы. Они были полны надежд и взаимной нежности, веря, что этого запаса чувств хватит на долгую совместную жизнь. Они собирались вместе встретить старость и лечь под одну надгробную плиту с красивой эпитафией.

Но их иллюзии разбились о глухую стену несовместимости — разное воспитание, полярные взгляды. Любовь выродилась во взаимную ненависть, бесконечные скандалы и убогие придирки по мелочам.

— Любовь — самая ненадежная вещь на свете, — тихо обронил Фэн Чжоу.

Не успел он договорить, как получил чувствительный щелчок по лбу.

— Откуда в тебе столько цинизма? — возмутился Юй Шаочунь. — Рассуждаешь как потрепанный жизнью мужик в кризисе среднего возраста: «Жена изменяет, дочь связалась с плохой компанией, ипотека не выплачена, зачем я вообще живу?»

Он поднялся со скамьи и встал прямо перед Фэн Чжоу:

— Закон сохранения энергии гласит: энергия ниоткуда не берется и никуда не исчезает, она лишь переходит из одного состояния в другое. Вселенная стремится к энтропии, и страсть угасает — это неизбежно. Но угасающее чувство трансформируется во что-то другое и продолжает существовать.

Фэн Чжоу молча доел последнюю клубничку. Слишком приторная глазурь оставила на языке вязкий сладкий след. Он вздохнул и бросил пустую шпательку в урну:

— Я никогда не верил в любовь.

— И поэтому не веришь в успех Старины Таня?

— Пожалуй.

— А зря. Стоило бы попробовать.

Фэн Чжоу достал телефон и деловито отправил Юй Шаочуню перевод на десять юаней:

— Спасибо за угощение.

Юй Шаочунь окончательно пал духом. Ни разу в жизни ему не попадался настолько непрошибаемый экземпляр. Этот парень умудрялся игнорировать любые знаки внимания, а каждую попытку сближения безжалостно пресекал сухими денежными переводами, очерчивая жесткие границы.

Настоящая крепость. Ни лаской не взять, ни осадой.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Фэн Чжоу, Юй Шаочунь почувствовал, как в груди закипает досада. Он не выдержал и окликнул:

— Фэн Чжоу!

Тот обернулся. Его лицо тонуло в тени, куда не дотягивался тусклый свет уличного фонаря. Предупредительный звонок на урок прозвенел еще три минуты назад. Аллея опустела, и лишь пожухлая листва декоративного кустарника негромко шуршала под порывами холодного ветра.

Вглядываясь в этот силуэт, Юй Шаочунь вдруг осознал, что совершенно не знает человека перед собой. Сколько бы людей ни пыталось втянуть Фэн Чжоу в водоворот обычной жизни, он оставался под защитой невидимого стеклянного купола. Его душа парила где-то в стороне, безучастно взирая на мирскую суету, но никогда не сливаясь с ней.

Они долго молчали, разделенные размытым пятном фонарного света. Наконец Юй Шаочунь тихо, почти шепотом спросил:

— Но если прожить жизнь, так никого и не полюбив всем сердцем... не окажется ли она слишком пустой?